

# Размышления над новой книгой

© 2001 г.

**М.Ф. ЧЕРНЫШ**

## ОТ КОНТА ДО ГИДДЕНСА

---

*ЧЕРНЫШ Михаил Федорович — кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института социологии РАН.*

---

Вышел в свет последний том четырехтомного издания по истории теоретической социологии<sup>1</sup>. Казалось бы, очередной том из книг по общественным наукам, издающимся в России. Споры нет, их действительно много. Но далеко не все отечественные издания обогащают нас новым пониманием происходящего, дотягивают до интеллектуального уровня переводных западных работ, не говоря уже о том, чтобы превзойти его. Я заметил, что, оказавшись перед книжными полками, чаще всего обращаю внимание на книги зарубежных, главным образом, западных авторов. И дело не только в том, что социология - наука, возникшая на Западе и, по утверждению Валлерстайна, изначально настроенная на познание именно западного общества. Начиная с Вебера и далее, социологи шли длинной и подчас трудной дорогой освоения незападного социального опыта, все шире полагаясь на методы сравнительного кросскультурного анализа. Лучшие из современных западных работ с успехом искупают первородный грех европоцентризма, держа в фокусе общества, расположенные в далеких от Европы регионах. Достаточно вспомнить книги Маргарет Мид о жизни аборигенов на островах Самоа или нашумевшую работу Теды Скочпол (Skocpol), определившую общие структурные предпосылки революций в таких разных обществах, как Франция, Китай и Россия. Нет, не близость западных авторов к корням ветвистого социологического древа заставляет нас обращать на них внимание. На то есть другие причины, гораздо более важные.

Во-первых, книги западных авторов, пусть даже и не самых выдающихся, почти всегда покоятся на прочном фундаменте наследия известных социологических школ. Собственно, этот факт не скрывается, а иногда и специально афишируется, обозначая тем самым уже пройденный путь и ту позицию, с которой современный автор отправляется в свое интеллектуальное путешествие. Не надо далеко ходить за примером. Так, в книгах Бурдьё немало отсылок к Марксу и Веберу, которые, вне всякого сомнения, стали той основой, на которой автор создавал свою собственную парадигму анализа. В книгах Гидденса обозначена прямая связь с марксистским наследием, хотя бы для того, чтобы показать, где оно ассимилируется, а где преодолевается. Беда современной российской социологии заключается, на мой взгляд, в том, что в ней тонкое ремесло вплетения собственных идей в ткань больших теоретических парадигм еще не получило достойного развития. Еще не изжила себя порочная практика прямых заимствований из западных анналов и попытка высаживания этих идей на российскую почву, где они либо благополучно чахнут, либо дают невзрачные, хилые всходы.

Во-вторых, книги западных авторов притягивают еще и тем, что почти всегда включены в контекст полемики по основным пунктам социологической повестки дня. Причем в этом контексте царит относительная с известными, разумеется, ограничениями, свобода аргументации, выдвигаемой за или против какой-либо концепции, независимо от ее возраста, происхождения или авторства. Российская социология,

---

<sup>1</sup> История теоретической социологии. В 4-х т. (Отв. ред. и сост. Ю.Н. Давыдов). Т. 1, М.: Канон, 1997, 496 с; Т. 2, М.: Канон, 1997, 560 с; Т. 3; М.: Канон, 1997, 448 с; Т. 4, СПб.: РХГИ, 2000, 736 с.

наложившая табу на марксизм и связанную с ним систему идей, оказалась в плену новой политкорректности, вдавливающей ее в прокрустово ложе теорий, слабо соотносящихся с исследуемыми ею реалиями. Из этого источника проистекает популярность, к примеру, стратификационного подхода, несомненно более уместного тогда, когда в поле зрения оказывается квантифицированное упорядоченное общество, или же игра в стили жизни, которые, как оказалось, в силу очевидных причин в российском обществе не слишком дифференцируются. Российская социология вступила в фазу активной ассимиляции западного социологического наследия, но происходит это в условиях отсутствия критической, методологической составляющей, позволяющей продуктивно использовать его на благо российской общественной науки.

Это обстоятельство лишь оттенило необходимость фильтрации классического наследия через ценностную решетку современного российского социологического опыта, который только и дает возможность судить о том, что из классики можно брать, не глядя, что использовать со множеством оговорок, а что никак не согласуется с современными российскими реалиями. На мой взгляд, роль многогомяка заключается в том, чтобы вооружить заинтересованного читателя такой ценностной шкалой, дающей возможность не только определить авторство идеи, но и выяснить, откуда у нее "растут ноги", что представляет собой корневая система древа современной социологической теории. Думается, что в данном конкретном случае речь идет не столько о дидактической составляющей процесса познания, сколько о терапевтической стратегии избавления от некоторых базовых психоконструктов, укоренившихся в сознании социологов, как, впрочем, и сознании многих соотечественников, не обремененных социологическим знанием.

Первый из таких комплексов - идея прогресса или, если быть более точным, слепая вера в то, что любые изменения в обществе представляют собой еще одну ступеньку на пути развития, венчающегося торжеством всеобщего блага. Вряд ли будет большим преувеличением сказать, что эту идею российские обществоведы начинали усваивать сразу же после вступления на шаткую и в прошлом очень узкую стезю социальных исследований. В советские времена российскому философу или социологу предлагалось сразу же исполниться верой в то, что он живет в лучшем из обществ, когда-либо существовавших на земле. Нужно ли говорить о том, что эта прививка историческим оптимизмом, подчас ничем не аргументированная убежденность в том, что "старый крот истории" всегда роет в нужном нам направлении, сыграла злую шутку с российским обществоведением тогда, когда обветшалые идеологические конструкции рухнули, похоронив под своими обломками коммунистический идеал. Понадобилось несколько лет, чтобы идея прогресса, столь долго владевшая умами российских граждан, стала предметом социологической полемики, и случилось это в ситуации преобразований, которые должны были, по идее, ускорить прогрессивное поступательное движение.

Именно в данной ситуации необходимость в такой полемике стала очевидной: вектор социальной эволюции российского общества разошелся с декларируемыми целями реформ также, как и реальный социализм с идеей коммунизма и мировой революции. В этом научном, а иногда уже и публичном обсуждении идеи неизбежности поступательного развития подверглись серьезной критике и были поставлены под сомнение. Было установлено то, из какого "сора" растет идея прогресса, каковы основные условия ее принятия в обществе. Думается, что авторы издания внесли в обсуждение этих моментов существенный, если не решающий вклад. Идея прогресса оказалась в центре внимания первого и второго тома и, в частности, статей о Сен-Симоне, Конте и Соловьеве. Для Сен-Симона вера в прогресс была неотъемлемой частью создания новой сциентистской религии. Он был убежден в том, что, оставив позади себя предрассудки прошлого, люди должны поверить, наконец, в науку, и действовать, соглашаясь с основными требованиями новой конфессии. Чтобы преодолеть свою изолированность от широких масс, рожденную ее особым методом и

"птичьим" языком, наука должна была совершить трансцендентный прорыв в области веры. Сен-Симон предлагал использовать новую науку - социологию в качестве высшей точки развития современной науки, вбирающей в себя все ее прошлые достижения.

Поначалу Конт настаивал на более сдержанной оценке перспектив общества и предлагал ориентироваться на позитивные факты, рожденные процессом познания. Но в конечном итоге и он согласился с тем, что наука должна стать новым культом, организующим жизнь людей, а развитие объяснил дезорганизацией общественного "консенсуса", вызванного изменением массового сознания.

Итак, выясняется, что идея прогресса стала продуктом особых обстоятельств, возникших в эпоху просвещения, - эйфории по поводу научных достижений и очевидного уважения к институциональным возможностям католицизма. Важные выводы, вытекающие из упомянутых статей, заключаются в следующем: во-первых, кроме контовского закона трех стадий, неоднократно, кстати говоря, оспаривавшегося современниками (смотрите статью о В. Соловьеве), идея прогресса не имела ни внутренних логических, ни веских эмпирических оснований и рассматривалась, прежде всего, как ядро новой религии; во-вторых, в работах Сен-Симона и Конта прогресс неизменно отождествлялся с торжеством научного знания и рационализацией мира в соответствии с его основными требованиями. По сути, это исключило из общей колеи прогресса те народы, которые в силу разных причин не вносили своего вклада в развитие науки и на момент рождения идеи прозябали в отсталости и невежестве. На идее разной роли народов в обеспечении прогресса особо настаивал Конт, выделявший европейские государства в качестве членов эксклюзивного клуба, развивавшего рациональное знание и двигавшего мировую цивилизацию вперед к вершинам экономических и социальных достижений.

Было бы ошибкой считать, что такое понимание прогресса или развития в XX в. окончательно вышло из моды. В своей книге "Современный социальный конфликт" Ральф Дарендорф<sup>2</sup>, анализируя экономический кризис в развивающихся странах, обозначил два пути выхода из него - упорядочивание системы распределения при помощи демократических институтов и экономический рост. В традиции социологии только экономический рост, приводящий к увеличению общественного богатства, рассматривался как инвариант прогрессивного развития, все остальное подпадало под определение "социальной эволюции" с неопределенным<sup>1</sup> исходом.

Еще один важный момент, на котором справедливо сделали акцент авторы четырехтомника, заключался в том, что новая религия прогресса, о которой столь часто говорили пророки эпохи Просвещения, всегда неизбежно оказывалась культом человекобожия, т.е. обожествлением человека, взятого, однако, не в индивидуальном своем качестве, а совокупном состоянии, определяемом как богочеловечество. В этом культе индивидуальное существование человека снималось, выражаясь языком Гегеля, в более высоком и более значимом (с точки зрения, например, Конта) состоянии слияния людей в едином целом. Очевидно, что от этого культа остается лишь один шаг до признания примата общественной жизни над жизнью отдельного человека, отдельной личности, а далее — под влиянием авторитета науки — до признания необходимости контролировать жизнь отдельных людей во имя общечеловеческой гармонии и более быстрого движения к светлому будущему. Иными словами, сказав "альфа", т.е. признав человечество общей благой целью прогресса, необходимо говорить и "омега", т.е. признать необходимость действовать во имя ускорения прогресса, преодолевая сопротивление некоторых народов, погрязших в национальных предубеждениях, а также отдельных деятелей, не желающих растворяться в едином богочеловечестве. Не артикулируя более эту мысль в прежнем ультимативном ключе, отечественные идеологи прогресса сохранили, как правило, приверженность безальтернативному определению общей цели, почти полностью совпадающему с контов-

---

<sup>2</sup> Dahrendorf R. Modern social conflit. London, 1980.

ской формулой: либо единение со странами Запада, сопровождаемое лихорадочным импортом генерируемых им информационных и иных технологий, либо прозябание в нищете и вечное отставание от ведущих стран. По этой формуле периферия западного мира, каковой является на сегодняшний день Россия, не может иметь самостоятельной стратегии развития, самостоятельной политики, своей науки, а должна "подпира́ть своими ключицами" прогресс, который происходит только в странах Запада.

Терапевтическое значение многотомника становится еще более очевидным после ознакомления со статьями о Марксе. Что мы знаем о нем? Обществоведы, имеющие опыт изучения марксистского наследия на вузовской скамье и позже в советском научном учреждении, сочтут, что много, достаточно для того, чтобы определить к нему свое отношение. И отношение к Марксу чаще всего будет отрицательным. В какой-то момент в порыве преодоления тоталитарного прошлого, Маркса почти полностью отождествили с тяжким политическим опытом России прошлого столетия и, по сути, поставили вне закона или, по крайней мере, вне текущей научной полемики. Думается, что материалы издания заставят многих по-иному взглянуть на эту фигуру и другие, рядоположенные личности, развивавшие общественные науки в тот период.

Как уже говорилось выше, статьи об отцах-основателях социологии - Сен-Симоне и Конте - убедительно доказывают то, что тоталитарная идея, выражавшаяся в стремлении построить управляемое и контролируемое общество, в XIX в. витала в воздухе, наполняя соответствующей аргументацией многие труды эпох наступившего капитализма, Маркс был далеко не одинок в попытке вывести формулу, согласно которой люди будущего будут жить в гармонии с обществом и самими собой. Процесс сакрализации научного знания, и, в том числе, теории Маркса в советском обществе больше отвечал духу сен-симонизма, чем марксизма, стремившегося найти рациональное обоснование идеи прогресса. Маркс, безусловно, находился под влиянием прогрессистских взглядов, но если бы он ограничился только ими, то вряд ли вошел бы в историю как основатель особой социологической школы, и ныне имеющей существенное влияние на многие ответвления социологической мысли.

В статьях о Марксе, размещенных в четырехтомнике, раскрывается оригинальная сторона марксистской теории, либо слабо освещавшаяся, либо вовсе замалчивавшаяся в советской время. Речь идет о концепции отчуждения, рожденной философией и переведенной Марксом на язык социологии и социальной психологии. В учении Фейербаха, взятом Марксом за отправную точку анализа, отчуждение рассматривалось как трансформация общечеловеческого начала в начало божественное. Человек отторгал от себя свою сущность, наделяя ею идеальный образ божества. У Маркса, особенно раннего, отчуждение — это метапроблема социальной жизни, пронизывающая как сферу производства, так и сферу сознания. Рядовой гражданин, не имеющий специальных познаний в сфере общественных наук, переживает отчуждение как некое смутное чувство неудовлетворения тем общественным устройством, в котором он, живет и которое он каждодневно наблюдает. Научный анализ свидетельствует о том, что корни этой неудовлетворенности кроются в самих базовых структурах общественной жизни и, в частности, в проблеме разделения труда, с одной стороны, существенно усовершенствовавшей производство, с другой - создавшей предпосылки для атомизации людей, превращающихся в придатки технологических линий. Справедливый вопрос, возникающий у Маркса, звучит следующим образом: кто владеет машинами и каковы реальные устремления этих людей? Какими ценностями движимы те, кто присвоил себе овеществленный труд рабочих? Нетрудно видеть, что изучение проблемы отчуждения в конечном итоге приводит к необходимости более пристального внимания к тем сферам, где рождаются общезначимые ценности жизни, где, по выражению Ю.Н. Давыдова, автора статьи об отчуждении, "практика людей соотносится с высшими ценностями, выделяемыми и осмысляемыми в таких формах сознания, как наука, искусство, мораль, т.е. с ценностями истинного, прекрасного и доброго"<sup>3</sup>.

<sup>3</sup> История теоретической социологии. Т. 1, М.: Канон, 1997. С. 184.

Именно в этой сфере, по Марксу, человек обретает надежду на лучшее будущее, которое наступит тогда, когда машины возьмут на себя наиболее тяжелые, рутинные задачи производства. Культура останется в этом случае областью интеграции, сплачивающей людей вокруг позитивных социальных ценностей, вокруг ценностей свободного творчества. Можно по-разному относиться к вышеизложенным аргументам, но вряд ли возможно отрицать, что проблема отчуждения в российском обществе всегда переживалась и будет переживаться более остро, чем на Западе. Это обусловлено российскими расстояниями, усугубляющими негативные последствия разделения труда, российской историей, раз за разом ставившей вопрос о роли "маленького человека", нынешним российским общественным строем, не способным обуздать почти гоббсовский индивидуализм корыстолюбивых бюрократов и крупных собственников. Анализ марксистской концепции отчуждения представляется мне лишь первым шагом на пути освоения российскими социологами этого продуктивного аналитического инструмента.

И, наконец, еще один важный вклад издания заключается, на мой взгляд, в терапии психоконфликта национальной социологической неполноценности. Действительно, до последнего времени в российском социологическом дискурсе звучали одни лишь иностранные имена, российские социологи дореволюционной эпохи за исключением, пожалуй, Питирима Сорокина были благополучно преданы забвению. Так уже повелось, что в российском отечестве не принято иметь собственных пророков. Роль российских социологов дореволюционной формации изначально находилась под большим вопросом: могла ли Россия, отставая в социальном отношении, несвободная, дать миру сколько-нибудь значимых социальных мыслителей? Четырехтомная "История" все ставит на свое место. В ней разбирается блистательная критика В. Соловьевым выведенного Контом закона трех стадий<sup>4</sup>. Если три стадии развития человечества действительно реальны, то это неизбежно должно означать господство в течение каждой из них какой-то одной главной идеи, управляющей мыслями и действиями людей. По мысли Конта, последняя стадия восхождения человечества к высотам духа должна быть связана с преодолением как религиозного, так и философского знания и победой единственно верного научного взгляда на мир. Задача же науки заключается в том (и здесь очевидно влияние Сен-Симона), чтобы открывать всеобщие законы и, в частности, законы, управляющие обществом, а затем, используя эти законы, создать условия, в которых станет возможным "золотой век" человечества. Соловьев ставит вопрос в иной плоскости: а возможно ли вообще преодоление какой-либо одной сферы человеческого духа другой, не менее важной для него сферой? Новейший опыт развития человечества демонстрирует, что одно лишь стремление преодолеть какую-либо из ключевых сфер жизни, будь то религия, философия или наука, неизбежно приводит к глубокому общественному кризису, грозящему индивиду не только сужением духовных горизонтов, но и вполне материальным, телесным страданием, к режиму лагерей и "полей смерти". В категориях, которыми рассуждал Соловьев, эволюция человечества пойдет не столько путями отказа от великих идей прошлого, сколько по пути их интеграции в духовной гармонии, воплощенной в Софии и Троице. В диссертации, посвященной Конту, Соловьев развенчал не только закон трех стадий, но всю идеологию "стадийного исключения", вокруг которой всегда велась, да и сейчас ведутся горячие споры.

"Терапевтическое" значение издания - это, разумеется, не единственный его смысл и не все его содержание. Четыре тома, насыщенных теоретическим анализом, - это не линия развития социологии (можно ли говорить об "отсталости" Платона или Аристотеля?), а линия социологической полемики относительно ключевых вопросов общественной жизни. В этой ипостаси многотомник будет полезен для профессиональных обществоведов, аспирантов, студентов, специализирующихся на социальных дисциплинах. В нем они найдут и новое знание, и свежий взгляд на уже известные концепции, и оригинальную подсказку для решения практических задач.

<sup>4</sup> История теоретической социологии. Т. 2, М.: Канон, 1997. С. 184.